

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация. В статье исследуется цифровизация деятельности адвоката в гражданском процессе в России как самостоятельное направление трансформации профессиональной юридической помощи, находящееся на пересечении адвокатского права, гражданского процессуального права, законодательства об электронной подписи, судебной информатизации и профессиональной этики. Обосновывается авторская классификация этапов цифровизации адвокатской деятельности с момента институционального оформления современной адвокатуры Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ и до 2026 г. Показано, что цифровизация меняла не только техническую форму подачи документов, но и саму процессуальную стратегию адвоката: способы коммуникации с доверителем, фиксацию поручения, сбор и раскрытие доказательств, участие в судебном заседании, соблюдение адвокатской тайны, стандарты добросовестности и профессиональной компетентности. Отдельное внимание уделено сопоставлению российского регулирования с моделями США, Китая, Германии, Италии и Франции. Сделан вывод о необходимости перехода от фрагментарной судебной цифровизации к интегрированной адвокатско-судебной экосистеме, основанной на защищенной профессиональной идентичности адвоката, едином цифровом кабинете, процессуальной презумпции достоверности действий адвоката в защищенной системе и специальных гарантиях адвокатской тайны в цифровой среде [4].

Ключевые слова: адвокат; гражданский процесс; цифровизация; электронное правосудие; ГАС «Правосудие»; КИС АР; электронный документ; электронная подпись; веб-конференция; адвокатская тайна; сравнительное правоведение.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),»
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

DIGITALIZATION OF LAWYER'S ACTIVITIES IN CIVIL PROCEDURE IN RUSSIA: STAGES OF DEVELOPMENT, COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS, AND AREAS OF BORROWING FROM FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The article examines the digitalisation of lawyers' activity in Russian civil proceedings as a distinct transformation of professional legal assistance at the intersection of advocacy law, civil procedure, e-signature regulation, judicial informatisation and professional ethics. It proposes a classification of the stages of digitalisation from the modern Law on Advocacy to 2026 and compares the Russian model with the United States, China, Germany, Italy and France. The author argues that Russia should move from fragmented court-centred digitalisation to an integrated lawyer-court ecosystem based on secure professional identity, a unified digital cabinet and enhanced guarantees of attorney-client privilege in the digital environment.

Key words: lawyer; civil proceedings; digital justice; e-filing; electronic evidence; online hearing; attorney-client privilege; comparative law; Russia.

Введение

Цифровизация деятельности адвоката в гражданском процессе не сводится к использованию компьютера, электронной почты или видеосвязи. В правовом смысле она означает последовательное включение адвоката в электронную инфраструктуру правосудия, при котором профессиональная юридическая помощь реализуется через юридически значимые цифровые действия: электронную идентификацию, электронное подписание и направление документов, удаленное участие в судебном заседании, работу с электронным делом, получение судебных извещений, анализ электронных доказательств и защиту цифрового контура адвокатской тайны. Поэтому предмет настоящего исследования составляют не технологические сервисы сами по себе, а трансформация процессуальной роли адвоката как профессионального представителя в условиях электронного гражданского судопроизводства.

Для гражданского процесса вопрос имеет особое значение. В отличие от уголовного судопроизводства, где цифровизация неизбежно сталкивается с повышенными гарантиями личной свободы и тайны защиты, гражданское судопроизводство оказалось наиболее восприимчивым к электронному документообороту. Исковые заявления, ходатайства, отзывы, доказательства, заявления об обеспечительных мерах, апелляционные и кассационные жалобы могут существовать в цифровой форме; представитель может участвовать дистанционно; судебная информация размещается в открытых системах; значительная часть коммуникации между судом и лицами, участвующими в деле, переносится в электронную среду. В этой конструкции адвокат выступает одновременно профессиональным пользователем судебной платформы и гарантом того, что цифровая скорость не уничтожит содержание права на судебную защиту.

Методологически цифровизация адвокатской деятельности требует различения трех плоскостей. Первая — процессуальная: какие действия допускаются в электронной форме и какие правовые последствия они порождают. Вторая — профессионально-статусная: как цифровая среда влияет на права, обязанности и ответственность адвоката. Третья — организационно-техническая: какие информационные системы, идентификаторы, электронные подписи и форматы используются для связи адвоката, суда, доверителя и адвокатской палаты. Ошибка российского регулирования последних двух десятилетий состояла в том, что эти плоскости развивались не синхронно: суды цифровизировались как публичная инфраструктура, адвокатура — как профессиональная корпорация, а доверитель оставался между ними как слабое звено, зависящее от технической компетентности представителя.

Научная новизна статьи состоит в предложении периодизации цифровизации деятельности адвоката в гражданском процессе, охватываю-

щей период с 2002 по 2026 гг., а также в формулировании модели нормативных заимствований из зарубежных юрисдикций. В качестве гипотезы выдвигается положение о том, что российскому законодательству целесообразно заимствовать не отдельные сервисы, а институциональные решения: обязательную защищенную профессиональную электронную почту адвоката по немецкому типу, специализированную адвокатскую сеть по французскому типу, жесткие стандарты электронного досье по итальянскому типу, требования технологической компетентности по американскому типу и процессуальную нейтральность онлайн-процесса по китайскому типу.

1. Понятие цифровизации деятельности адвоката в гражданском процессе

В российской юридической литературе цифровизация часто описывается через термин «электронное правосудие». Однако применительно к адвокату такой подход является недостаточным. Электронное правосудие характеризует прежде всего государственную сторону процесса: суд, судебные информационные системы, электронные карточки дел, видеоконференц-связь, публикацию судебных актов и движение электронных документов. Цифровизация адвокатской деятельности шире: она охватывает подготовку позиции до обращения в суд, цифровую коммуникацию с доверителем, проверку электронных доказательств, управление сроками, обеспечение конфиденциальности, формирование процессуального досье, электронное взаимодействие с судом и последующее исполнение судебного акта.

Центральным признаком такой цифровизации является юридическая значимость электронного действия адвоката. Пока адвокат использует цифровой инструмент только для удобства — например, хранит проект иска на компьютере или проводит видеосоветание с доверителем, — речь идет о технологизации юридической работы. Цифровизация начинается там, где электронное действие производит правовой эффект: поданное через судебный портал заявление считается поступившим; электронная подпись подтверждает происхождение документа; электронная копия доказательства становится предметом оценки суда; участие через веб-конференцию заменяет физическое присутствие; уведомление в информационной системе влияет на процессуальные сроки.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации постепенно закрепил возможность использования электронных документов, электронных образов документов и электронного взаимодействия суда с участниками процесса. Статья 35 ГПК РФ предусматривает право лиц, участвующих в деле, представлять в суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, а статья 71 ГПК РФ относит к письменным доказательствам документы и материалы,

выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством электронной или иной связи, включая сеть Интернет. [2]

Для адвоката эти нормы означают изменение профессионального стандарта: представитель уже не может быть только процессуальным ритором или автором бумажного документа. Он обязан понимать, как формируется электронный образ, когда требуется усиленная квалифицированная электронная подпись, как удостоверяется время подачи документа, как доказать целостность файла, как обеспечить читаемость приложений и как предотвратить раскрытие адвокатской тайны при работе с облачными хранилищами и платформами видеосвязи. Следовательно, цифровизация деятельности адвоката является не факультативной надстройкой, а частью квалифицированной юридической помощи.

Важным элементом является различие цифровизации процесса и цифровизации адвокатуры. Первая развивается через ГАС «Правосудие», судебные сайты, электронные картотеки, сервисы подачи документов и дистанционного участия в заседаниях. Вторая — через корпоративные реестры, цифровую идентификацию адвокатов, комплексную информационную систему адвокатуры, электронный документооборот адвокатских палат и потенциальный цифровой ордер. Наиболее перспективна модель, при которой эти две инфраструктуры связаны между собой, но не поглощают друг друга: суд получает достоверное подтверждение статуса адвоката, а адвокатская корпорация

сохраняет автономию и контроль над профессиональной тайной.

Отдельное значение имеет принцип технологической нейтральности. Закон не должен закреплять одну платформу как единственно допустимую навсегда, но обязан установить минимальные юридические стандарты: идентификация, аутентификация, целостность, неизменность, журналирование действий, защита персональных данных, доступность для лиц с ограниченными возможностями, процессуальная проверяемость и равенство сторон. Иначе цифровизация становится административно-технической реформой, а не правовой гарантией доступа к правосудию.

2. Классификация этапов цифровизации деятельности адвоката в России: 2002–2026 гг.

Периодизацию цифровизации адвокатской деятельности целесообразно строить не только по датам принятия законов, но и по тому, какие именно элементы профессиональной работы адвоката переходили в цифровую форму. В этом смысле с 2002 по 2026 гг. можно выделить семь этапов: институционально-статусный, информационно-публичный, электронно-подписной, процессуально-документарный, дистанционно-заседательный, платформенно-корпоративный и интеграционно-гарантийный. При этом начальная точка связана не с «Законом об адвокатуре 2001 г.» — такой закон в современной системе не принимался, — а с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, который оформил современную модель адвокатуры. [4]

Таблица 1. Авторская классификация этапов цифровизации деятельности адвоката в гражданском процессе России.

№	Период	Этап	Содержание изменения	Значение для адвоката
1	2002–2007	Институционально-статусный	Адвокат получает современный федеральный статус; цифровизация отсутствует как самостоятельный предмет, но формируется субъект, который позднее будет включен в электронное правосудие.	Преобладает бумажная доверенность, ордер, очная коммуникация; цифровые средства имеют вспомогательный характер.
2	2008–2010	Информационно-публичный	Принимается закон о доступе к информации о деятельности судов; судебная информация начинает системно размещаться в сети.	Адвокат получает инструмент мониторинга дел, судебных актов и расписаний, но электронного процессуального действия еще почти нет.
3	2011–2015	Электронно-подписной	Законодательство об электронной подписи создает общий режим юридической значимости электронного документа.	Юридическая сила документа зависит от идентификации, подписи и целостности файла.
4	2016–2019	Процессуально-документарный	Вводится полноценная подача электронных документов; утверждаются порядки подачи через судебные системы.	Иск, жалоба, ходатайство и доказательства могут подаваться в электронном виде; техническая ошибка получает процессуальную цену.

5	2020–2022	Дистанционно-заседательный	Пандемия и законодательные поправки ускоряют применение ВКС и веб-конференций.	Адвокат осваивает удаленное участие, электронное предъявление доказательств, цифровую дисциплину заседания.
6	2024–2025	Платформенно-корпоративный	В Закон об адвокатуре вводятся положения о КИС АР.	Цифровизация переходит внутрь адвокатской корпорации: реестры, взаимодействие палат, потенциальная связка со статусом адвоката.
7	2026	Интеграционно-гарантийный	Разъяснения Верховного Суда и накопленная практика переводят цифровые инструменты в обычный процессуальный стандарт.	Главный вопрос — процессуальные гарантии, равенство сторон и защита адвокатской тайны.

Первый этап — 2002–2007 гг. — следует назвать институционально-статусным. В этот период цифровизация еще не выступала предметом специального регулирования, однако именно тогда был создан правовой субъект, способный участвовать в цифровом процессе как самостоятельный профессиональный представитель. Закон об адвокатуре закрепил независимость адвокатуры, адвокатскую тайну, формы адвокатских образований, статус адвоката и основы самоуправления. Поэтому значение этапа не в появлении электронного правосудия, а в формировании профессионального статуса, который впоследствии должен был быть переведен в цифровую среду без утраты автономии и гарантий. [4]

Второй этап — 2008–2010 гг. — связан с информационной открытостью судов. Федеральный закон № 262-ФЗ изменил информационную среду гражданского процесса: судебные акты, сведения о движении дел, расписания судебных заседаний и иные данные стали постепенно размещаться в открытом доступе. Для адвоката это означало возможность предварительного анализа судебной практики, контроля движения дела, проверки информации о назначении заседаний и построения процессуальной стратегии на основе публичных цифровых массивов. Вместе с тем такая открытость не равна электронному взаимодействию: адвокат видел больше информации, но еще не получил полноценный цифровой канал процессуального действия. [3]

Третий этап — 2011–2015 гг. — можно определить как электронно-подписной. Закон об электронной подписи сформировал общие правовые предпосылки признания электронных документов. Для адвоката это стало важным переходом от простой передачи файла к юридически значимой цифровой форме. Электронная подпись не решает все проблемы представительства, но вводит критерии авторства, целостности и ответственности за электронный документ. Именно на этом этапе начинается складываться будущий конфликт между удобством электронной коммуникации и формальными требованиями суда к подписи, формату, полномочиям и подтверждению личности представителя. [4]

Четвертый этап — 2016–2019 гг. — является процессуально-документарным. Федеральный закон № 220-ФЗ и последующие подзаконные акты подачи документов сделали электронную форму нормальным способом обращения в суд. Теперь адвокат мог подать иск, заявление, жалобу, ходатайство и доказательства в электронном виде. Но вместе с возможностью возникли новые профессиональные риски: неверный формат файла, отсутствие требуемой подписи, нечитаемый скан, неполный комплект приложений, ошибочный выбор суда или категории обращения могли повлечь процессуальные последствия, сопоставимые с ошибками в бумажном делопроизводстве. [5]

Пятый этап — 2020–2022 гг. — дистанционно-заседательный. Пандемийные ограничения резко повысили значение видеоконференц-связи и веб-конференций, а законодательные изменения закрепили возможность участия в судебном заседании посредством веб-конференции. Для адвоката это стало качественным изменением профессии: судебное выступление оказалось привязано не только к знанию права и фактов, но и к технической устойчивости соединения, цифровой этике поведения, возможности оперативно продемонстрировать документы, заявлять ходатайства и реагировать на процессуальные действия суда удаленно. [6]

Шестой этап — 2024–2025 гг. — платформенно-корпоративный. Федеральный закон № 83-ФЗ включил в Закон об адвокатуре положения о комплексной информационной системе адвокатуры России. Это принципиальный поворот: цифровизация перестает быть исключительно судебной и входит в саму инфраструктуру адвокатуры. КИС АР потенциально позволяет связать сведения о статусе адвоката, адвокатских палатах, адвокатских образованиях и профессиональном взаимодействии. Однако важнейший вопрос состоит в том, станет ли эта система гарантийным инструментом независимости адвокатуры или превратится лишь в административный реестр. [7]

Седьмой этап — 2026 г. — интеграционно-гарантийный. Новые разъяснения Верховного Суда РФ о подготовке гражданских дел к судебному

разбирательству показывают, что электронное взаимодействие уже воспринимается не как чрезвычайная мера, а как элемент нормального процессуального режима. Для адвоката это означает необходимость соединять цифровую форму с классическими задачами подготовки дела: определением состава лиц, раскрытием доказательств, заявлением ходатайств, соблюдением сроков и предотвращением злоупотреблений процессуальными правами. [9]

3. Что именно менялось в деятельности адвоката

3.1. Коммуникация с доверителем

Первый блок изменений связан с коммуникацией адвоката и доверителя. В начале 2000-х гг. она строилась преимущественно на личной встрече, телефонном разговоре и бумажном обмене документами. Постепенно электронная почта, мессенджеры, облачные папки и видеосвязь стали обычным способом предварительной консультации и согласования процессуальных документов. Но правовой режим этой коммуникации оказался менее развитым, чем технологическая практика. Закон об адвокатуре защищает адвокатскую тайну, однако не содержит детального режима цифровых каналов связи, хранения переписки, использования зарубежных облачных сервисов и обработки метаданных.

В гражданском процессе это имеет прямое значение. Доверитель передает адвокату документы, скриншоты, электронные письма, записи переписки, банковские выписки, сведения из личных кабинетов. Эти материалы могут стать доказательствами, но одновременно содержат персональные данные и конфиденциальную информацию. Поэтому адвокат должен не только получить их, но и оценить происхождение, допустимость, полноту, риск изменения, необходимость нотариального обеспечения доказательств или запроса у оператора информационной системы. Таким образом, коммуникация превращается в первый этап доказательственной работы.

Наиболее слабое место российского регулирования — отсутствие специального стандарта защищенной адвокатской коммуникации. В законе детально закреплена тайна как правовая обязанность, но не закреплён минимальный цифровой стандарт ее обеспечения. Между тем в современном гражданском споре утечка электронной переписки, доступа к облачной папке или учетной записи может иметь для доверителя не меньшее значение, чем незаконный доступ к бумажному доossier адвоката.

3.2. Электронная подача документов и процессуальный риск

Второй блок изменений — электронная подача процессуальных документов. Для адвоката она изменила саму технологию представительства. Бумажная подача предполагала физическое присутствие или почтовое отправление, а электронная

подача сместила акцент на правильность файла, подписи, сканирования, вложения, названия документа и выбора процессуального режима. Если ранее техническая ошибка была чаще устранима на стадии приема документов, то в цифровой среде она может быть зафиксирована системой автоматически и получить процессуальное значение. [8]

В деятельности адвоката появилась новая группа обязанностей, которые можно назвать обязанностями цифровой аккуратности. К ним относятся проверка полномочий для электронной подачи, сохранение квитанций и уведомлений системы, фиксация момента направления документа, резервное хранение отправленного комплекта, контроль статуса обращения, проверка читаемости приложений, отказ от избыточного включения персональных данных и соблюдение требований к электронной подписи. Эти действия редко описываются в классических учебниках гражданского процесса, но практически определяют успех процессуальной коммуникации.

Электронная подача также влияет на профессиональную ответственность адвоката. Неподача жалобы из-за технического сбоя, пропуск срока вследствие неправильной работы с порталом, направление неполного комплекта документов или раскрытие конфиденциального файла могут рассматриваться не как бытовые технические неудобства, а как ненадлежащее оказание юридической помощи. Отсюда следует необходимость включения цифровой компетентности в стандарт квалифицированной адвокатской помощи.

3.3. Электронные доказательства

Третий блок изменений касается доказательств. Цифровая экономика породила гражданские споры, в которых ключевые факты подтверждаются не бумажными документами, а данными информационных систем: электронной перепиской, сведениями из маркетплейсов, логами доступа, транзакциями, электронными чеками, скриншотами страниц, файлами, метаданными, записями видеоконференций, цифровыми следами исполнения договора. Адвокат в таком процессе должен владеть не только правилами относимости и допустимости, но и методами сохранения цифрового следа.

Особенность электронного доказательства состоит в его хрупкости. Оно может быть изменено, удалено, недоступно из-за закрытия аккаунта или платформы, размещено на сервере за пределами России, существовать только в виде динамической страницы или переписки в приложении. Поэтому адвокат должен оценивать, когда достаточно распечатки, когда нужен нотариальный протокол осмотра сайта, когда необходимо ходатайство об истребовании доказательств, когда требуется экспертное исследование файла, а когда — обеспечение доказательств до предъявления иска.

Эта сфера пока развивается быстрее законодательства. ГПК РФ допускает цифровые и

электронные материалы в качестве письменных доказательств, но не предлагает детализированной классификации электронных доказательств, правил работы с метаданными, стандартов верификации скриншотов и алгоритма оценки доказательств, полученных из платформенных сервисов. В результате адвокат вынужден соединять процессуальные нормы, практику судов, нотариальные инструменты и техническую экспертизу.

3.4. Участие в заседании посредством ВКС и веб-конференции

Четвертый блок изменений — дистанционное судебное заседание. Для адвоката удаленное участие является не только способом экономии времени, но и новым форматом процессуального поведения. Требуются заранее проверенные технические средства, устойчивое соединение, надлежащая идентификация, возможность демонстрировать документы, слышать всех участников, заявлять возражения и фиксировать нарушения. Ошибка в технической организации может повлиять на полноту реализации права доверителя быть услышанным. [2, ст. 155.1, 155.2]

Веб-конференция усиливает значение процессуальной дисциплины. Если в очном заседании адвокат может оперативно передать документ суду, показать оригинал, уточнить позицию доверителя, отреагировать на реплику другой стороны, то в удаленном заседании все эти действия должны быть заранее подготовлены в электронной форме. Это меняет стиль адвокатской работы: меньше импровизации с бумажными материалами и больше предварительной цифровой организации дела.

Наиболее острым вопросом остается равенство сторон. Технически сильная сторона получает преимущество перед участником, который не имеет качественного доступа, электронной подписи, оборудования или цифровых навыков. Адвокат способен компенсировать это неравенство для своего доверителя, но сам нуждается в устойчивых процессуальных гарантиях: праве заявить о техническом сбое, требовать отложения при невозможности полноценного участия, получать протоколирование технических обстоятельств заседания.

3.5. Корпоративная цифровизация адвокатуры

Пятый блок изменений — цифровизация самой адвокатуры. До 2024 г. адвокат в электронном процессе оставался в основном пользователем судебной инфраструктуры. После законодательного закрепления КИС АР появляется перспектива профессиональной цифровой идентичности адвоката. Это может изменить подтверждение статуса, связь адвоката с палатой, проверку полномочий, направление уведомлений, формирование цифрового ордера и взаимодействие с государственными информационными системами. [4, ст. 39.1–39.5]

Однако корпоративная цифровизация должна быть построена осторожно. Адвокатская информационная система не должна превращаться в ме-

ханизм внешнего контроля за содержанием поручений, стратегией защиты или конфиденциальной коммуникацией с доверителем. Она должна подтверждать статус и обеспечивать сервисы, но не раскрывать сущность адвокатской помощи. Граница между идентификационной функцией и содержательным контролем имеет принципиальное значение для независимости адвокатуры.

Перспективным направлением является цифровой адвокатский кабинет, связанный с КИС АР и судебными системами через защищенный шлюз. В таком кабинете адвокат мог бы получать подтверждение статуса, оформлять цифровой ордер, подавать процессуальные документы, получать судебные уведомления, видеть историю действий по делу и хранить процессуальное досье. Но для этого требуется не только техническая разработка, но и федеральная процессуальная регламентация.

4. Зарубежные модели цифровизации деятельности адвоката и участия в судебных делах

Сравнение России с зарубежными странами должно проводиться не по внешнему уровню технологичности, а по юридической архитектуре участия адвоката в цифровом процессе. Для настоящего исследования важны пять критериев: обязательность электронного взаимодействия для профессиональных представителей; наличие защищенной профессиональной инфраструктуры адвокатов; процессуальные последствия электронного действия; гарантии конфиденциальности; стандарты цифровой компетентности. По этим критериям США, Китай, Германия, Италия и Франция демонстрируют разные модели, каждая из которых содержит элементы, полезные для российского законодателя.

4.1. США: электронная подача как профессиональный стандарт и технологическая компетентность адвоката

Американская модель строится прежде всего на обязательном электронном взаимодействии профессиональных участников с судами. В федеральных судах ключевую роль играют системы CM/ECF и PACER: адвокат регистрируется как электронный податель, получает доступ к делу, подает документы, получает уведомления и работает с электронным досье. Согласно федеральному процессуальному режиму, электронная подача является обязательной для представляемых сторон, если суд не освободит от нее по уважительной причине. [10; 11]

Для адвоката это означает, что владение *electronic filing* становится не технической опцией, а элементом профессиональной пригодности. Представитель, который не умеет использовать систему, рискует пропустить срок, неправильно направить документ или нарушить правила уведомления. Поэтому цифровизация в США тесно связана не только с судебной инфраструктурой, но и с профессиональной этикой.

Особое значение имеет комментарий 8 к Правилу 1.1 Модельных правил профессионального поведения АВА: компетентность юриста включает обязанность поддерживать знание изменений в праве и юридической практике, включая преимущества и риски соответствующих технологий. Это не процессуальная норма в российском смысле, но важный этический стандарт, позволяющий дисциплинарно и профессионально оценивать поведение адвоката в цифровой среде. [12]

Из американского опыта Россия могла бы заимствовать не коммерциализированную модель доступа к судебной информации, а идею прямого включения технологической компетентности в профессиональный стандарт адвоката. Для российской адвокатуры это особенно важно, поскольку цифровые ошибки уже способны причинять доверителю реальный процессуальный вред, но пока не имеют специально сформулированного критерия оценки в кодексе профессиональной этики.

Второй полезный элемент — развитая культура электронного уведомления и автоматического подтверждения подачи. Российские судебные системы также формируют уведомления и статусы, однако они не всегда воспринимаются участниками как единый процессуальный источник истины. Американская модель показывает, что электронная система должна не просто принимать файл, а создавать юридически надежный след: дата, время, податель, документ, адресаты, подтверждение, история доступа.

Вместе с тем американская модель не может быть заимствована механически. Платность PACER, федеративная неоднородность процедур, зависимость от правил конкретного суда и высокий уровень профессиональной самоответственности адвоката плохо совместимы с российской задачей обеспечения массового доступа к правосудию. Для России более приемлема публичная, бесплатная и унифицированная система, дополненная профессиональными гарантиями адвокатуры.

4.2. Китай: онлайн-судопроизводство, платформенность и технологическая управляемость процесса

Китайская модель отличается высокой степенью платформенной интеграции. Онлайн-судопроизводство рассматривается как форма осуществления правосудия, а не просто как технический канал. Правила онлайн-судопроизводства народных судов предусматривают принципы законности, эффективности, безопасности, защиты персональной информации, технологической нейтральности и платформенной нейтральности. Для адвоката это означает участие в процессе, где многие действия изначально проектируются как онлайн-действия. [13]

В Китае значительную роль играют интернет-суды, онлайн-медиация, электронное представление доказательств, цифровая идентификация

и интеграция судебных сервисов с платформенными данными. Для адвоката участие в деле может включать работу с доказательствами, возникшими внутри цифровых экосистем: электронной коммерции, платежных сервисов, коммуникационных приложений, платформ интеллектуальной собственности. Это делает адвоката не только процессуальным представителем, но и переводчиком платформенных фактов на язык судебного докзывания.

Преимущество китайской модели — высокая скорость и системность. Онлайн-процесс проектируется как самостоятельная процедура с собственными правилами поведения, подтверждения личности, представления доказательств и проведения заседания. Российскому праву полезен именно этот аспект: веб-конференция и электронная подача должны быть не набором разрозненных разрешений, а целостным процессуальным режимом.

Риск китайской модели состоит в чрезмерной управляемости и зависимости участников от государственных и платформенных инфраструктур. Для российской адвокатуры, основанной на принципе независимости, подобная модель может быть приемлема только при наличии специальных гарантий: адвокатская тайна, запрет доступа к содержанию поручения, независимый контроль профессиональной корпорации над адвокатской идентичностью, прозрачность алгоритмических и технических правил.

Из китайского опыта целесообразно заимствовать норму о технологической и платформенной нейтральности онлайн-процесса. Судебная платформа не должна подменять процессуальный закон; технологическая архитектура не должна ставить одну сторону в привилегированное положение; электронная процедура должна обеспечивать те же возможности заявления ходатайств, представления доказательств, возражений и объяснений, что и очный процесс.

Китайский опыт также демонстрирует значение онлайн-медиации и досудебного урегулирования. Для российского гражданского процесса это перспективно в спорах малой и средней сложности, однако участие адвоката в таких процедурах должно быть закреплено как гарантия осознанного выбора доверителя, а не как формальная цифровая фильтрация доступа к суду.

4.3. Германия: обязательная электронная коммуникация адвоката и специальный профессиональный почтовый ящик

Германская модель наиболее полезна для России в части профессиональной идентификации адвоката. С 1 января 2022 г. для адвокатов действует обязанность подавать письменные процессуальные документы в электронной форме, а особый электронный адвокатский почтовый ящик beA является ключевым каналом профессионального электронного правового сообщения. В немецком

праве электронная коммуникация адвоката не рас-творена в общей пользовательской учетной записи: она связана именно с профессиональным статусом. [14]

Для адвоката это создает ясную конструкцию: если лицо является профессиональным представителем, оно обязано использовать защищенный электронный канал, а суд может доверять происхождению сообщения. В результате снижается потребность в многократном подтверждении полномочий и технической проверке отправителя, а процесс становится более предсказуемым.

Российская система пока не имеет полноценного аналога beA. Адвокат может использовать электронную подпись и судебные порталы, но его профессиональная идентичность не всегда автоматически связана с адвокатским статусом, палатой и конкретным полномочием по делу. КИС AP может стать основой для решения этой проблемы, если будет связана с судебными системами через защищенный, но автономный профессиональный контур.

Немецкий опыт также показывает значение обязательности. Пока электронная подача остается только альтернативой бумаге, профессиональное сообщество развивается неравномерно: одни адвокаты используют цифровые инструменты полноценно, другие сохраняют бумажную модель. Для гражданина это означает разный уровень юридической помощи в зависимости от цифровой зрелости конкретного представителя. Обязательность для профессионалов при сохранении исключений для граждан может быть разумным компромиссом.

Однако заимствование немецкой модели требует осторожности. Обязательная электронная коммуникация возможна только при надежной инфраструктуре, устойчивой технической поддержке, понятных правилах восстановления срока при сбоях, доступных средствах электронной подписи и дисциплинарной практике, учитывающей реальные технические обстоятельства.

Для России немецкая модель наиболее важна как аргумент в пользу цифрового адвокатского адреса. Такой адрес должен иметь презумпцию принадлежности адвокату, использоваться для связи с судами, палатами и доверителями, а также быть защищен от произвольного внешнего доступа. Его внедрение позволило бы устранить разрыв между судебной цифровизацией и цифровизацией адвокатского статуса.

4.4. Италия: Processo Civile Telematico и электронное досье гражданского дела

Итальянская модель Processo Civile Telematico является примером длительного и практически ориентированного перехода гражданского процесса в электронную форму. Центральным элементом выступает портал телематических услуг Министерства юстиции, через который обеспечиваются доступ к сервисам, электронная подача,

работа с документами и взаимодействие с судебной инфраструктурой. Для адвокатов электронный гражданский процесс стал повседневным способом ведения дел, а не экспериментом. [15]

Сильная сторона итальянского опыта — ориентация на электронное досье. Адвокат работает не только с отдельной подачей документа, но с комплексом материалов дела, статусов, сообщений, платежей и судебных актов. Такой подход ближе к реальной профессиональной работе: адвокат мыслит не отдельным файлом, а делом как динамической структурой.

Для России это особенно актуально. В российской практике электронная подача и информация о деле часто воспринимаются как разные сервисы, а не единое цифровое досье представителя. Адвокату приходится собирать картину из судебного сайта, личного кабинета, электронной почты, бумажных извещений и телефонной коммуникации с аппаратом суда. Итальянский опыт показывает, что эффективность достигается тогда, когда цифровая система становится основной рабочей средой дела.

Из Италии целесообразно заимствовать стандарты структурирования электронного дела: единые категории документов, читаемые статусы, надежная история процессуальных действий, связь платежей и поданных документов, единые технические требования. Это снизило бы число процессуальных конфликтов, связанных не с правом, а с несовместимостью форматов и неопределенностью статуса обращения.

Итальянская модель также показывает значение профессиональной адаптации. Электронный процесс требует обучения адвокатов, инструкций, служб поддержки и постепенного перехода. В России цифровые реформы нередко вводятся через изменение закона, но без достаточного уровня методической поддержки адвокатского сообщества. В результате реформа формально состоялась, но ее практическая реализация остается неоднородной.

Ограничение итальянского опыта состоит в том, что высокая степень формализации электронного процесса может породить собственный бюрократический язык. Для России важно не скопировать сложность, а взять принцип: электронное дело должно быть процессуально полным, понятным и пригодным для профессиональной работы адвоката.

4.5. Франция: e-Barreau, RPVA и защищенная адвокатская сеть

Французская модель представляет особый интерес благодаря связке e-Barreau и защищенной адвокатской сети RPVA. Совет национальных адвокатских палат обеспечивает инструмент дематериализованной коммуникации адвокатов с судами, включая направление и получение процессуальных актов, документов и сообщений. Доступ адвокатов к системе исторически строился через

профессионально контролируемую защищенную сеть, что подчеркивает корпоративную автономию адвокатуры. [16]

Для адвоката это означает, что электронная коммуникация с судом осуществляется не как обычный пользовательский обмен файлами, а как профессиональный правовой канал. Такой канал одновременно решает задачи идентификации, безопасности, подтверждения статуса, сохранения истории сообщений и защиты конфиденциальности. В российском контексте это особенно важно из-за конституционной и профессиональной роли адвокатуры как независимого института гражданского общества.

Французский опыт полезен тем, что адвокатская корпорация не просто приспосабливается к государственной судебной платформе, а участвует в формировании собственной инфраструктуры связи с правосудием. Это отличается от модели, при которой суд создает универсальный портал для всех участников, а адвокат выступает лишь одним из пользователей. Для России это аргумент в пользу того, чтобы КИС АР была не внутренним реестром, а элементом защищенного профессионального взаимодействия с судами.

Одновременно французская модель демонстрирует значение перехода от старых техниче-

ских решений к новым. Развитие e-Barreau показывает, что цифровая адвокатская инфраструктура не может быть раз и навсегда заданной: она требует обновления интерфейсов, механизмов безопасности, правил доступа и поддержки пользователей. Российское регулирование должно сразу закладывать механизм регулярной технологической модернизации без необходимости каждый раз менять основы процессуального закона.

Из Франции Россия могла бы заимствовать идею защищенного профессионального шлюза между адвокатурой и судами. Такой шлюз должен обеспечивать проверку статуса адвоката, направление документов, получение извещений, обмен процессуальными сообщениями и ведение истории коммуникации. При этом содержание адвокатского досье и коммуникация с доверителем должно оставаться вне судебного и административного доступа.

Главное достоинство французского подхода — соединение цифровизации и профессиональной независимости. Электронная коммуникация с судом не должна разрушать адвокатскую автономию; напротив, она может ее укреплять, если техническая инфраструктура проектируется с учетом статуса адвоката, а не подменяет его общим статусом пользователя портала государственных услуг.

5. Сравнительная таблица моделей

Таблица 2. Сравнение моделей цифровизации деятельности адвоката в гражданских делах.

Юрисдикция	Ключевой инструмент	Полезный элемент для России	Ограничение
Россия	Электронная подача, ГАС «Правосудие», ВКС/веб-конференция, КИС АР	Фрагментарная интеграция судебной и адвокатской инфраструктуры	Нет полноценного цифрового адвокатского кабинета и специального стандарта цифровой адвокатской тайны
США	CM/ECF, PACER, обязательная e-filing для представляемых сторон	Технологическая компетентность включена в профессиональную этику	Платность и неоднородность процедур; нельзя механически переносить
Китай	Онлайн-суды, правила онлайн-судопроизводства, платформенная интеграция	Целостный режим онлайн-процесса и быстрые цифровые процедуры	Риски чрезмерной управляемости и контроля платформ
Германия	beA, обязательная электронная коммуникация адвокатов	Профессиональная электронная идентичность адвоката	Требует высокой надежности инфраструктуры и правил на случай сбоев
Италия	Processo Civile Telematico, электронное досье	Дело как единая цифровая структура	Риск технической формализации и сложности интерфейсов
Франция	e-Barreau, RPVA, профессиональный защищенный канал	Связь судебной цифровизации с автономией адвокатуры	Необходима постоянная модернизация и поддержка пользователей

Сравнение показывает, что российская модель находится между двумя логиками. С одной стороны, она развивается как государственная судебная цифровизация: электронная подача, сайты судов, видеосвязь, веб-конференции, публикация судебных актов. С другой стороны, начиная с 2024 г. появляется корпоративная цифровизация адвокатуры через КИС АР. Но между этими логиками пока не создан полноценный правовой мост. В зарубежных странах наиболее удачные решения возникли именно там, где профессиональный представитель получил собственный цифровой статус, а не был приравнен к обычному пользователю сервиса.

Именно поэтому ключевой вопрос для России — не в том, чтобы добавить еще один портал, а в том, чтобы юридически связать статус адвоката, полномочие по делу и процессуальное действие в единую цифровую цепочку. Такая цепочка должна отвечать на пять вопросов: кто совершил действие, имеет ли он статус адвоката, имеет ли полномочие по конкретному делу, когда и какой документ направлен, какие процессуальные последствия возникли. Пока эти элементы подтверждаются разными средствами, цифровизация остается технически развитой, но юридически неполной.

Зарубежный опыт также показывает, что цифровизация адвоката невозможна без этического измерения. США прямо связывают компетентность с пониманием технологий; Германия возлагает на адвоката обязанность использовать профессиональный электронный канал; Франция и Италия формируют профессиональные процедуры коммуникации с судами; Китай закрепляет принципы онлайн-процесса. В России соответствующие элементы присутствуют, но не образуют единого профессионального стандарта цифрового адвоката.

6. Что российское законодательство может позаимствовать у зарубежных юрисдикций

Заимствование зарубежного опыта должно быть функциональным, а не декоративным. Нельзя просто перенести CM/ECF, beA, e-Barreau или Processo Civile Telematico в российскую систему. Необходимо определить, какую проблему решает тот или иной институт и может ли он быть встроен в российскую конституционно-правовую модель адвокатуры, судебной власти и цифрового суверенитета.

1. Из США — стандарт технологической компетентности адвоката.

В российском Кодексе профессиональной этики адвоката и в разъяснениях Федеральной палаты адвокатов целесообразно закрепить, что компетентное оказание юридической помощи включает разумное владение цифровыми инструментами, применяемыми в соответствующем виде судопроизводства. Это не означает, что каждый адвокат должен быть IT-специалистом, но означает обязанность понимать риски электронной подачи,

цифровых доказательств, хранения конфиденциальных данных и использования искусственного интеллекта при подготовке правовой позиции.

2. Из Германии — защищенный профессиональный электронный адрес адвоката.

России необходим аналог профессионального электронного ящика адвоката, связанный с КИС АР и признаваемый судами как официальный канал коммуникации. Такой адрес должен использоваться для процессуальных уведомлений, подачи документов, получения судебных актов и подтверждения статуса адвоката. Его юридическая сила должна вытекать не из общей учетной записи гражданина, а из профессионального статуса и членства в адвокатской палате.

3. Из Франции — профессиональный шлюз между адвокатурой и судами.

КИС АР целесообразно развивать как защищенный профессиональный шлюз, а не только как реестровую систему. Через него адвокат мог бы формировать цифровой ордер, подтверждать статус, направлять документы в суд, получать извещения и хранить историю процессуальной коммуникации. При этом внутреннее адвокатское досье и коммуникация с доверителем не должны быть доступны суду или государственным органам.

4. Из Италии — единое электронное досье гражданского дела для представителя.

Российским адвокатам необходим не только сервис подачи документов, но и полноценное электронное досье: все поданные документы, судебные акты, извещения, сроки, платежи, доказательства, ходатайства и статусы должны быть объединены в одном интерфейсе. Это снизит риск процессуальных ошибок и позволит адвокату управлять делом как системой, а не набором отдельных файлов.

5. Из Китая — нормативное закрепление принципов онлайн-процесса.

В ГПК РФ целесообразно прямо закрепить принципы онлайн-участия: равенство процессуальных возможностей, технологическая нейтральность, безопасность, защита персональных данных, проверяемость действий, право на фиксацию технического сбоя и запрет ухудшения положения стороны только из-за выбора дистанционного формата.

6. Из Европейского союза — интероперабельность и трансграничный обмен.

Для России особенно важно развивать совместимость судебных и адвокатских систем внутри страны: суды общей юрисдикции, арбитражные суды, нотариат, ФССП, адвокатура, органы регистрации и банки должны взаимодействовать через стандартизированные каналы. Европейский e-CODEX показывает, что цифровое правосудие требует не одной платформы, а общего протокола доверенного обмена. [17]

7. Из всех рассмотренных моделей — режим восстановления и защиты от технического сбоя.

Закон должен различать ошибку адвоката и

объективный сбой системы. Если документ не подан из-за недоступности официального портала, некорректной работы сервиса подписи или сбоя подтверждения отправки, участник процесса должен иметь понятный механизм восстановления срока и доказывания технического обстоятельства. Иначе цифровизация превращает технический риск в ограничение права на судебную защиту.

8. Из профессиональных моделей зарубежной адвокатуры — обязательное обучение.

В систему повышения квалификации адвокатов следует включить модули по электронному гражданскому процессу, электронным доказательствам, кибербезопасности, цифровой адвокатской тайне и этике использования искусственного интеллекта. Это практическое условие равного доступа граждан к квалифицированной помощи в цифровом правосудии.

7. Проблемы российской модели цифровизации адвоката в гражданском процессе

Первая проблема — фрагментарность нормативного регулирования. Права и обязанности адвоката в цифровой среде распределены между Законом об адвокатуре, ГПК РФ, законодательством об электронной подписи, подзаконными актами подачи документов, локальными техническими инструкциями и профессионально-этическими актами. Такая фрагментарность затрудняет формирование единого стандарта поведения адвоката. Практикующий представитель вынужден ориентироваться не только на закон, но и на интерфейс конкретной системы, текущие технические требования и судебную практику по последствиям электронных ошибок.

Вторая проблема — отсутствие полноценного цифрового ордера. Бумажный ордер исторически выполняет функцию подтверждения участия адвоката, но в электронном процессе его сканирование не раскрывает всех возможностей цифровой идентификации. Цифровой ордер мог бы автоматически подтверждать статус адвоката, адвокатское образование, палату, объем поручения, связь с конкретным делом и срок действия полномочия. При этом он не должен раскрывать содержание соглашения и доверительную информацию.

Третья проблема — недостаточная защищенность адвокатской тайны в цифровой среде. Закон защищает любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи, но не устанавливает специальных правил хранения электронного досье, использования облачных сервисов, резервного копирования, шифрования, доступа сотрудников адвокатского образования, передачи файлов через мессенджеры и взаимодействия с иностранными цифровыми платформами. Отсутствие таких правил повышает риск утечки и затрудняет оценку дисциплинарной ответственности.

Четвертая проблема — техническая зависи-

мость процессуальных прав. Доступ к суду начинает зависеть от качества интернет-соединения, наличия электронной подписи, совместимости браузера, навыков работы с порталом, скорости обработки обращения и стабильности государственной информационной системы. Адвокат способен снизить эти риски, но не может полностью устранить их без нормативного механизма фиксации и компенсации технических сбоев.

Пятая проблема — неравномерность цифровой зрелости адвокатского сообщества. Крупные юридические фирмы и адвокатские образования в мегаполисах быстрее адаптируются к электронному правосудию, имеют IT-поддержку, электронные архивы и стандарты кибербезопасности. Индивидуальные адвокаты в регионах часто действуют в условиях ограниченной технической поддержки. Если законодатель введет обязательную цифровую коммуникацию без переходного периода и обучения, это может усилить неравенство внутри профессии.

Шестая проблема — отсутствие специального режима использования искусственного интеллекта адвокатом. Уже сейчас ИИ может применяться для поиска практики, анализа документов, подготовки черновиков процессуальных актов и оценки судебных перспектив. Но адвокат несет ответственность за конечный документ и не вправе раскрывать конфиденциальные сведения в небезопасной системе. Поэтому цифровизация гражданского процесса в ближайшие годы неизбежно должна быть дополнена правилами профессионального использования ИИ.

Седьмая проблема — разрыв между судебной и корпоративной цифровизацией. Суды развивают собственные сервисы, адвокатура — собственную систему, государство — общие платформы идентификации, а доверитель — коммерческие каналы связи. Без единой архитектуры доверенного обмена эти системы могут дублировать друг друга, создавать противоречивые уведомления и усложнять процессуальную работу адвоката.

Восьмая проблема — недостаточная процессуальная определенность электронных доказательств. Для гражданских споров характерны цифровые следы, но ГПК РФ не содержит подробной типологии электронных доказательств и методики оценки их достоверности. Судебная практика вырабатывает подходы постепенно, однако адвокат нуждается в более ясных правилах: что считать оригиналом электронного доказательства, как подтверждать метаданные, когда требуется эксперт, как суд должен оценивать скриншот и как обеспечивать доказательство из личного кабинета или платформы.

8. Авторская модель дальнейшей цифровизации адвокатской деятельности

Представляется, что дальнейшая цифровизация деятельности адвоката в гражданском процессе должна строиться как система из пяти

взаимосвязанных элементов: профессиональная цифровая идентичность; цифровой ордер; защищенный адвокатский кабинет; процессуальные гарантии онлайн-участия; профессиональный стандарт цифровой компетентности. Только их совокупность способна перевести российскую модель от набора сервисов к полноценной цифровой процессуальной инфраструктуре.

Профессиональная цифровая идентичность адвоката должна подтверждаться через КИС АР и признаваться судами без дополнительной ручной проверки в каждом деле. Она должна включать сведения о статусе, палате, адвокатском образовании и действительности права на осуществление адвокатской деятельности. При этом суду не должны передаваться сведения о доверителях и содержании поручений, если они не необходимы для конкретного процессуального действия.

Цифровой ордер должен стать электронным юридическим фактом, подтверждающим полномочие адвоката на ведение конкретного гражданского дела. Его назначение — заменить скан бумажного ордера правовой цифровой конструкцией. Такой ордер может содержать уникальный идентификатор, дату выдачи, сведения об адвокате, адвокатском образовании, виде судопроизводства и деле, но не должен включать условия соглашения об оказании юридической помощи.

Защищенный адвокатский кабинет должен объединять процессуальные функции: подачу документов, получение судебных актов, контроль сроков, направление ходатайств, участие в веб-конференции, доступ к электронному делу, фиксацию технических сбоев, хранение подтверждений отправки и получение уведомлений. Такой кабинет должен быть связан с судебными системами, но организационно и юридически учитывать независимость адвокатуры.

Процессуальные гарантии онлайн-участия должны быть закреплены в ГПК РФ. Необходимо прямо установить, что дистанционный формат не может ограничивать право стороны представлять доказательства, задавать вопросы, заявлять ходатайства, давать объяснения, возражать против действий другой стороны и знакомиться с материалами дела. Технический сбой должен фиксироваться в протоколе или отдельном электронном журнале и оцениваться судом при решении вопроса о продолжении заседания, отложении или восстановлении срока.

Профессиональный стандарт цифровой компетентности должен быть многоуровневым. Базовый уровень — умение подавать документы, подписывать их, работать с судебными порталами и защищать конфиденциальные файлы. Продвинутый уровень — электронные доказательства, метаданные, нотариальное обеспечение цифровых доказательств, кибербезопасность и удаленные заседания. Специальный уровень — использование ИИ, анализ больших массивов судебной практики, цифровые трансграничные споры и платфор-

менные доказательства.

Важным направлением является разработка правил цифровой адвокатской тайны. Закон должен закрепить, что защита распространяется не только на содержание документов и сообщений, но и на метаданные профессиональной коммуникации: сведения о времени, частоте, адресатах, файлах, идентификаторах дел и технических логгах, если они позволяют раскрыть факт или содержание обращения за юридической помощью. Исключения должны быть прямо предусмотрены законом и толковаться ограничительно.

Наконец, цифровизация должна учитывать принцип доступности. Переход к обязательной электронной коммуникации для адвокатов возможен, но должен сопровождаться переходным периодом, бесплатной или доступной инфраструктурой, обучением, круглосуточной технической поддержкой, резервными каналами подачи документов и правилами восстановления сроков. Иначе цифровизация из инструмента повышения эффективности превратится в барьер для части адвокатов и их доверителей.

9. Прогноз развития до 2030 года

К 2030 г. цифровизация адвокатской деятельности в гражданском процессе, вероятно, перейдет от электронного документооборота к интеллектуальной процессуальной инфраструктуре. Это означает, что адвокат будет работать не просто с порталом подачи документов, а с системой, которая автоматически проверяет комплектность приложений, предупреждает о сроках, сопоставляет требования с подсудностью, предлагает шаблоны процессуальных документов и помогает структурировать доказательства. Законодатель должен заранее определить, где заканчивается допустимая техническая помощь и начинается недопустимое алгоритмическое воздействие на правовую позицию.

Второе направление — развитие цифровых доказательственных стандартов. Суды будут чаще сталкиваться с данными платформ, смарт-контрактов, электронных кошельков, маркетплейсов, систем видеонаблюдения, социальных сетей и корпоративных мессенджеров. Адвокат должен будет уметь не только представить такой материал, но и объяснить суду его происхождение, целостность, контекст и пределы достоверности. В перспективе потребуется специальный раздел ГПК РФ или постановление Пленума Верховного Суда РФ об электронных доказательствах.

Третье направление — усиление роли адвокатской корпорации в цифровой инфраструктуре. Если КИС АР будет развиваться как профессиональная система, она может стать ядром цифровой адвокатуры: реестры, статус, повышение квалификации, дисциплинарные уведомления, цифровые ордера, связь с судами, статистика нагрузки и сервисы для адвокатских образований. Но для этого необходимо сохранить принцип: корпорация

управляет профессиональным контуром, а государство признает его юридическое значение.

Четвертое направление — этика искусственного интеллекта. Адвокат будет использовать ИИ для анализа документов и практики, но обязан сохранять профессиональное суждение. Законодатель и адвокатское сообщество должны запретить подмену самостоятельной оценки доверия результатом алгоритма, установить правила проверки ответов ИИ, запретить передачу адвокатской тайны в небезопасные модели и определить требования к раскрытию использования ИИ доверителю в случаях, когда это влияет на стоимость, стратегию или риски поручения.

Пятое направление — интеграция с исполнительным производством и альтернативным урегулированием споров. Для доверителя судебное решение ценно не само по себе, а как средство восстановления права. Поэтому цифровая работа адвоката должна продолжаться после вынесения решения: электронное получение исполнительного листа, направление его приставу или банку, контроль исполнения, цифровая коммуникация с органами исполнения, онлайн-медиация и мировые соглашения. Российская цифровизация пока слишком сосредоточена на суде и недостаточно — на полном жизненном цикле гражданского спора.

Заключение

Цифровизация деятельности адвоката в гражданском процессе в России прошла путь от вспомогательного использования электронных средств до формирования предпосылок профессиональной цифровой инфраструктуры адвокатуры. Ее этапы можно представить как движение от статуса к информации, от информации к электронному документу, от электронного документа к дистанционному заседанию, от судебной цифровизации к корпоративной платформе и далее — к гарантийному режиму цифрового представительства.

Главное изменение состоит в том, что адвокат перестал быть только автором процессуального текста и участником очного судебного заседания. Он стал управляющим цифровым процессуальным досье, экспертом по электронным доказательствам, субъектом электронного взаимодействия с судом, гарантом конфиденциальной цифровой коммуникации и профессиональным пользователем судебной инфраструктуры. Это требует переосмысления квалифицированной юридической помощи: в гражданском процессе она теперь включает технологическую компетентность.

Российская модель имеет серьезные достижения: электронная подача документов, открытость судебной информации, развитие ВКС и веб-конференций, закрепление КИС АР, новые процессуальные разъяснения. Но она остается фрагментарной. Судебные сервисы, адвокатская корпорация, электронная подпись, доверительские коммуникации и доказательственные платформы пока не образуют единой правовой архитектуры. Отсюда

возникают риски технических ошибок, неравенства сторон, неопределенности полномочий и нарушения адвокатской тайны.

Сравнение с США, Китаем, Германией, Италией и Францией показывает, что России следует заимствовать не внешнюю форму зарубежных платформ, а правовые принципы: технологическую компетентность адвоката, профессиональную электронную идентичность, защищенный адвокатский канал связи с судом, полноценное электронное досье, принципы онлайн-процесса, механизм защиты от технических сбоев и интероперабельность цифровых систем.

Наиболее перспективным направлением является создание российской модели цифрового адвокатского представительства в гражданском процессе. Ее ядро должны составлять КИС АР, цифровой ордер, защищенный адвокатский кабинет, интеграция с судебными системами и специальный режим цифровой адвокатской тайны. Такая модель позволит сохранить независимость адвокатуры и одновременно повысить эффективность гражданского судопроизводства.

В конечном счете цифровизация не должна подменять правосудие технологией. Ее правовой смысл состоит в том, чтобы сделать квалифицированную юридическую помощь более доступной, быстрой, проверяемой и защищенной, не разрушив при этом состязательность, равенство сторон, адвокатскую тайну и независимость адвоката. Именно по этому критерию следует оценивать любые будущие реформы электронного гражданского процесса в России.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2026).
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
- [3] Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
- [4] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
- [5] Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2026).
- [6] Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официаль-

ный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[7] Федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[8] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде...» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. 2026. 2 июня.

[10] Federal Rules of Civil Procedure. Rule 5(d) (3). Electronic Filing and Signing // Legal Information Institute, Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcp/rule_5 (accessed: 18.06.2026).

[11] Electronic Filing (CM/ECF) // United States Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-cm-ecf> (accessed: 18.06.2026).

[12] ABA Model Rules of Professional Conduct. Rule 1.1, Comment 8 // American Bar Association. URL: <https://www.americanbar.org> (accessed: 18.06.2026).

[13] Online Litigation Rules of the People's Courts. Supreme People's Court of the People's Republic of China, 2021 // China International Commercial Court. URL: <https://cicc.court.gov.cn> (accessed: 18.06.2026).

[14] Zivilprozessordnung, § 130d; Bundesrechtsanwaltskammer. Besonderes elektronisches Anwaltspostfach (beA) // BRAK. URL: <https://www.brak.de> (accessed: 18.06.2026).

[15] Portale dei Servizi Telematici del Ministero della Giustizia. Processo Civile Telematico // Ministero della Giustizia. URL: <https://pst.giustizia.it> (accessed: 18.06.2026).

[16] e-Barreau: la communication électronique avec les juridictions // Conseil national des barreaux. URL: <https://cnb.avocat.fr> (accessed: 18.06.2026).

[17] Regulation (EU) 2022/850 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on a computerised system for cross-border electronic exchange of data in judicial cooperation (e-CODEX) // Official Journal of the European Union. 2022. L 150.

[18] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford: Oxford University Press, 2019.

[19] Reiling D. Technology for Justice: How Information Technology Can Support Judicial Reform. Leiden: Leiden University Press, 2009.

[20] Katsh E., Rabinovich-Einy O. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. Oxford: Oxford University Press, 2017.

References:

[1] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 18.06.2026).

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[3] Federal Law of 22.12.2008 No. 262-FZ «On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part 1). Art. 6217.

[4] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ «On Electronic Signature» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036.

[5] Federal Law of 23.06.2016 No. 220-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Application of Electronic Documents in the Activities of Judicial Bodies» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 18.06.2026).

[6] Federal Law of 30.12.2021 No. 440-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 18.06.2026).

[7] Federal Law of April 22, 2024, No. 83-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation»» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: June 18, 2026).

[8] Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016, No. 251 «On Approval of the Procedure for Submitting Documents in Electronic Form to Federal Courts of General Jurisdiction...» // Official Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://sudrf.ru> (accessed: June 18, 2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 21, 2026, No. 15 «On the Preparation of Civil Cases for Trial» // Rossiyskaya Gazeta. June 2, 2026.

[10] Federal Rules of Civil Procedure. Rule 5(d) (3). Electronic Filing and Signing // Legal Information Institute, Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcp/rule_5 (accessed: June 18, 2026).

[11] Electronic Filing (CM/ECF) // United States Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-cm-ecf> (accessed: June 18, 2026).

[12] ABA Model Rules of Professional Conduct. Rule 1.1, Comment 8 // American Bar Association. URL: <https://www.americanbar.org> (accessed: 06/18/2026).

[13] Online Litigation Rules of the People's Courts. Supreme People's Court of the People's Republic of China, 2021 // China International Commercial